

УДК 159.923; 316.6

А. А. Верещагина

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА РАЗВИТИЯ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Проблема этнической идентичности рассматривается как полимодальная, и в рамках данной статьи проанализированы некоторые социальные, исторические, психологические аспекты ее контекста. Язык является одним из важнейших этнодифференцирующих признаков. В некоторых исторических ситуациях этническая идентичность связана не столько с реальным использованием языка всеми членами этноса, сколько с его символической ролью в процессах формирования чувства ответственности с общностью и межгрупповой дифференциации.

This article considers the problem of ethnic identity as a polymodal one and analyses certain social, historical, and psychological aspects of its context. Language is one of the major differentiating features in terms of ethnicity. In some historical situations, ethnic identity is determined by the symbolic role of language in the processes of development of allegiance to the community and intergroup differentiation rather than the actual use of language by all members of the ethnic group.

Ключевые слова: этническая идентичность, язык, дифференцирующий признак, культура, восприятие, коллективная этническая идентичность.

Key words: ethnic identity, language, culture, perception, differentiating feature.

Изменение социально-психологического состояния различных социальных и этнических групп — характерная особенность современной России. Это изменение проявляется в бурном росте этнического самосознания, возрождении титульных наций, развитии отношений в различных этнических группах, которое иногда сопровождается столкновением экономических, религиозных, культурных интересов. Поэтому попытка рассмотреть проблематику коллективной этнической идентичности с точки зрения особенностей положения групп нетитульного населения в полиэтнических государствах, на наш взгляд, стала актуальной для современной психологии. В социально-психологических исследованиях современное мировое сообщество нередко предстает расколотым на организованные по этническим признакам коллективы, члены которых объединены общей для них историей, религией и культурой, а также солидарным чувством принадлежности к «своей» общности. Обыденное представление квалифицирует нынешнее состояние взаимодействия этих исторически сложившихся общностей с их устоявшейся культурной, политической или религиозной идентичностью как обнаруживающее серьезный конфликтный потенциал. Особенно это касается случаев, когда крупные по численности этнические общности вынуждены сосуществовать в режиме одного государства и соответствующее политическое сообщество, национальные приоритеты которого закономерно задаются главенствующей в нем этнической группой, оказывается, по существу, разделенным на этническое большинство (титульная нация) и этнические меньшинства (нетитульные народы и мигранты).

И здесь мы можем наблюдать конфликт идентичностей. Не только в социально-психологическом, но и в социально-политическом аспекте возникающие в таких смешанных сообществах проблемы взаимосвязаны с несовпадающими коллективными идентичностями титульного и нетитульного населения. Титульные инфраструктуры стремятся к гомогенному, солидарному обществу сограждан и ориентированы на формирование единой, общей для всех членов сообщества надэтнической (национальной) идентичности, обеспечивающей примат гражданства над этничностью. В отличие от этого нетитульные инфраструктуры претендуют на сохранение идентичности этнических групп как особых коллективных общностей, поддерживающих свои этноспецифические групповые традиции, этническую солидарность и преемственность. Возможный в ситуации полиэтничности государства конфликт параллельно действующих идентичностей является — в зависимости от степени их принципиальной совместимости и интенсивности противостояния — серьезным вызовом для сообщества как такового и его членов. Ведь речь идет не столько о противостоянии отдельных представлений или интересов (элит), сколько о конфронтации совокупных систем базовых ценностей и основанных на них групповых идеалов, убеждений и ориентаций, которыми определяется практика мышления и поведения групп и индивидов. Вопрос этничности/национальности в данном контексте предстает как дилемма приоритетов в восприятии различными этногруппами заданных рамок доминирую-

щего общественно-политического и социокультурного устройства и сохранения ими специфичной субкультуры, в том числе политической и религиозной.

Коллективная идентичность этногруппы определяется как относительно устойчивый в своей основе набор специфических признаков или символов, характеризующих индивидуальность и самобытность данной группы и обеспечивающих ее конституирование и функционирование как общности, отличной от других этногрупп. Коллективная этническая идентичность детерминируется через различные критерии, приписываемые этногруппе в качестве имманентных (идентификационных) признаков: самоназвание; собственная территория; исторические традиции; своеобразие материальной и духовной культуры, включая язык и религию; определенные устойчивые стереотипы поведения, сознания и менталитета членов группы и т. д. На основе относительно стабильной и упорядоченной системы освоенных в процессе развития общих ориентаций и ценностей, присущих данной этнической группе, выстраивается механизм внутригрупповой интеграции общности и ее дифференциации по отношению к сопоставимым коллективным образованиям, чем обеспечивается необходимый уровень этнической лояльности и солидарности членов группы. И это обстоятельство имеет решающее значение. Ключевым фактором социализации индивида, становления его индивидуальной идентичности и ценностного восприятия окружающей действительности является идентификация по этническим признакам — действительным или только воображаемым. Независимо от того, выступает этническая идентичность как объективная или субъективная реальность, этноидентификация создает ощущение межпоколенной и исторической преемственности. Этническая идентичность индивида представляет собой — в таком понимании — чувство принадлежности индивидуума к определенной общности и подчинение ее нормативно-ценностной системе, чем в значительной степени определяется и регламентируется поведение индивида на уровне его внутригрупповых и внегрупповых коммуникаций.

Языковая проблема стала «хроническим заболеванием» большинства постсоветских государств. В обобщенном сознании часто происходит фактическое отождествление языка и народа: так, по данным этносоциологических исследований, проведенных в 70-е гг. XX в., две трети русских определяли свою этническую идентичность по языку. Язык действительно является одним из важнейших этнодифференцирующих признаков. Но в последние десятилетия исследователи многих стран все больше внимания уделяют тому неоспоримому факту, что в некоторых исторических ситуациях этническая идентичность связана не столько с реальным использованием языка всеми членами этноса, сколько с его символической ролью в процессах формирования чувства родственности с общностью и межгрупповой дифференциации. Проблема этнической идентичности полимодальна, и нам представляется оправданным определить в рамках данной статьи некоторые социальные, исторические и психологические аспекты ее контекста.

В связи с оттоком русскоговорящего населения и «вторым пришествием Ислама на просторы казахских степей» [3] позиции русского языка как средства консолидации и интеграции этнически неоднородного населения на территории Казахстана постепенно слабеют. Вернее сказать, отток и «пришествие» — это уже следствия целенаправленной, молчаливо одобряемой политики дерусификации. Более того, грозят, что «в скором времени Россия потеряет в качестве союзника и верного друга вслед за Югославией и Ираком еще и Казахстан. Вот это-то и станет окончательной катастрофой для России, повлечет за собой целую цепь трагедий, которые уничтожат славянскую культуру и цивилизацию» [3]. Судя по социальному статусу, в Казахстане произошло расслоение социума: все «неказахи» в одночасье стали людьми второго сорта (или, как здесь говорят, представителями «четвертого жуза»). Если объективно взглянуть на национальный состав руководящего корпуса любых организаций (не только крупных), то без особых социологических исследований становится ясно, что он представлен лицами одной — коренной титульной — национальности. Та же картина в Правительстве, Парламенте и других государственных органах Республики Казахстан. Происходит продуманное, нешумное выдавливание русского языка и его носителей не только из руководящих сфер общественной жизни, но из самого общества. Прогнозируя свое будущее и будущее своих детей, носители русского языка не только испытывают усиливающийся психологический дискомфорт, но и ясно осознают, что будущего у них в этой стране нет. (Подобная ситуация сложилась и в других постсоветских государствах: например, до 1991 г. весь Киев говорил по-русски, а гостей из западных городов Украины здесь плохо понимали.)

И дело не только в языке. Языковой вопрос вышел за свои границы и стал вопросом социально-политическим. De jure провозглашено равенство людей по национальному и языковому признаку, закрепленное в Конституции Республики Казахстан и в других правовых документах, но de facto складывается далеко не благостная картина. В обществе стали культивироваться индивидуализм и идеи национального превосходства. Деление на «коренных» и «некоренных», на «титульную» и «нетитульные» нации, на язык «колонизаторов» и «государственный» ведет к этнической и социальной раздробленности. Но люди постепенно начинают понимать, что построить по-настоящему социальное государство можно лишь в дружеском союзе с другими этносами, что максима исключительности и превосходства одной нации над другими ведет в тупик. Политолог М. Сытник изложил основные тезисы существующей внешней иллюзорности дружественных отношений между Россией и Казахстаном:

Внешняя имитация «дружбы» с Россией позволяет руководству Казахстана все глубже осуществлять духовно-идеологический раскол и разрыв всех исторических, межэтнических и ментальных связей, которые только и могут лежать в основе истинной политико-экономической интеграции наших народов и государств. Под прикрытием иллюзии дружбы с Россией

руководство Казахстана продолжает строить этнократическое государство и навязывать язык казахской доиндустриальной культуры тем регионам, где проживает большинство славянского населения. Под прикрытием иллюзии дружбы с Россией руководство Казахстана продолжает безнаказанно стирать русские названия с карты Казахстана и заниматься мифотворческим перекраиванием истории. И, наконец, под прикрытием внешней дружбы с Россией казахское руководство внутри Казахстана через государственную систему образования продолжает внушать казахскому населению образ России-врага... в Казахстане, у которого с Россией сложились официально дружеские отношения, славянское население пассивно и подавлено националистической политикой казахской власти [6].

Фактически через СМИ, систему образования, научную литературу и современные учебники истории планомерно внедряется в сознание жителей Казахстана неприятие всего, что связано с советской, и в частности русской, культурой. Это вряд ли способствует развитию позитивной этнической идентичности, толерантности, интернационализму и просто дружбе народов, которые прошли плечом к плечу нелегкий исторический путь и в течение многих десятилетий заботились о развитии науки и культуры всех народов, живущих на территории Республики Казахстан.

Остановимся на некоторых аспектах этнической идентичности в условиях постсоветского периода развития независимых государств. Язык как система познания и коммуникации способен выразить всю совокупность знаний и представлений человека о мире. Именно язык был взят на вооружение национал-патриотами в качестве самого сильного орудия воздействия на сознание людей. Национал-патриоты громко заявляют, что советская и российская системы образования уничтожили казахский язык, оттеснили его функционирование лишь в бытовую сферу, что он нуждается в защите и возрождении и т. д. Большой резонанс среди русскоязычных граждан вызвал поднятый национал-патриотами вопрос об исключении пункта 2 статьи 7 Конституции Казахстана о статусе русского языка из Основного закона государства. Историки и национал-патриоты не могут предъявить обществу ни одного официального документа об ограничении употребления казахского языка, однако постоянно заявляют о бедственном его положении и подавлении его со стороны русского.

Совершенно очевидно, что в условиях непосредственного контакта двух генетически не родственных языков происходит естественное проникновение лексики одной языковой системы в другую. В русском языке много тюркизмов, и казахский язык обогатил свой лексический состав русизмами и заимствованиями через посредство русского. Этот процесс объективный, и его остановить нельзя. Лексика всех непосредственно или опосредованно контактирующих языков постоянно пополняется. «Чистых» от заимствований литературных языков в природе не существует. Но системных изменений в языке по определению не может произойти, поскольку языковая система инвариантна, то есть в ней заложено определенное и исчислимое количество элементов, обеспечивающих ее существование. Говоря языком логики, количество

компонентов любой языковой системы на всех ее уровнях необходимо и достаточно для обеспечения ее функционирования. Языковая система реализуется в речи, в устных или письменных текстах.

Крупный ученый в области русского и тюркского языкознания профессор Х.Х. Махмудов ввел в активный научно-исследовательский аппарат понятие «стилема» [4], утверждая в своей докторской диссертации, что каждый говорящий и пишущий обладает собственным личностным набором *стилем*, в связи с чем неправомерно говорить о «раннем» или «позднем» Тургеневе или Блоке. Стилемея сугубо индивидуальны, константны, личностны. Именно поэтому существуют понятия «язык Толстого», «язык Пушкина» или «язык Некрасова» (хотя, на наш взгляд, правильнее было бы называть это речевыми особенностями стиля того или автора), то есть сама техника использования языковой системы глубоко личностна. Авторские стилемея можно сравнить с отпечатками пальцев — они у всех разные.

Говоря о соотношении понятий «язык» и «речь», А.А. Брудный, с присущим ему ясным и логически выверенным стилем, приводит простую и убедительную иллюстрацию своего суждения: «язык — речь» или «язык — речевая деятельность» в некоторых отношениях аналогичны отношению проекта и его реализации» [2, с. 336], то есть «проект» — это языковая система, а «реализация» — это речь конкретного человека. Языковая система стабильна и фиксирована в психике носителей языка. Способ реализации системы личностен. Каждый человек обладает индивидуальным, только ему присущим способом реализации языковой системы.

Рост этнической идентичности титульных этносов независимых постсоветских государств, как показывает объективная реальность, обусловливает этноэгоизм, чему способствует и намеренная или непреднамеренная политизированность некоторых социально значимых вопросов, например вопроса о сущности языковой политики государства. Увеличивается культурная дистанция с «титульным этносом», то есть параметр этнической принадлежности становится наиважнейшим в определении социального статуса личности, происходит трансформация этнического самосознания, ведущая к гипертрофированному восприятию собственной этнической группы, к абсолютной убежденности в превосходстве собственной этнической группы над «чужими». Это ведет к насилию над «чужими», к этнической нетерпимости, агрессивной наступательности в решении социальных вопросов, к этническому доминированию одной национальной группы над другими.

Этническая идентичность сильнее выражена у тех, кто живет в условиях непосредственного контакта с культурой, сильно отличающейся по этническим признакам от своей, и эта идентичность осознается более четко. Язык как самый сильный этнодифференцирующий признак становится в условиях непосредственного контакта генетически неродственных культур жизненно важной проблемой. Не случайно поэтому среди основных причин миграции из Казахстана на первом месте всегда стоит вопрос языковой политики, проводимой государством. Причины миграции — жесткая языковая политика (урезаны ча-

сы русского языка и литературы в школах), претенциозно негативная трактовка истории в отношении России, низкое качество новых казахстанских учебников, запрет на использование учебников российских издательств. Абитуриентам-«неказахам» практически невозможно поступить на бюджетную форму обучения. Этноориентированная кадровая политика лишает представителей иных этносов перспектив получить достойную работу по специальности. Среди психологических причин следует отметить изоляцию в культурной сфере и информационный отрыв от России (прекращение трансляции некоторых российских каналов и радиочастот, адаптированное вещание новостей, ограничение свободы информации в Интернете — закрытие доступа ко многим сайтам и т.д.). Вследствие этих причин русскоязычная среда ежегодно уменьшается на сотни тысяч людей. Все это, естественно, не способствует формированию позитивной этнической идентичности. Препградой для чреватых насилиям унификаторских стратегий в форме радикализма любой религиозной или идеологической окраски может служить лишь культурное многообразие общества.

Отдельная личность или группы (семья, например, или семейные анклавы) стремятся к моноэтнической идентичности, соблюдая традиции и многовековые нравственные установки, диктуемые этнопринадлежностью. Этническая идентичность сопровождается позитивными эмоциями: чувством гордости за свой народ, его достоинство, высокий патриотизм, уникальную культуру, за его ценности и морально-нравственные нормы и принципы. Позитивная этническая идентичность не отрицает своеобразия этнической идентичности иных народов и культур, порождая межэтническую толерантность. Однако в полиэтническом сообществе, коими являются все постсоветские государства, как показывает объективная действительность, часто возникают межэтнические столкновения, причиной которых становится акцентированная гиперидентичность одного этноса и подавление этнической идентичности иных народов, их духовных ценностей, культур, языка; примеров можно привести много: горящие православные церкви в мусульманских странах или кощунственные карикатуры на мусульманского пророка Мухаммада и т.д. Этноэгоизм и гиперидентичность опасны тяжелыми последствиями. Они ведут к дестабилизации межэтнического взаимодействия внутри государства, к национальному или религиозному фанатизму, политическим кризисам, национальной напряженности в обществе.

Список литературы

1. Байтокова И. Важен результат: реформы в казахстанской средней и высшей школе. URL: <http://total.kz/society/2013/09/16/> (дата обращения: 16.09.2013).
2. Брудный А.А. Психологическая герменевтика : учебное пособие. М., 2011.
3. Куклин В.В. Казахстан — поле битвы мировоззрений : обозрение. URL: <http://www.pereplet.ru/kuklin/23.html#23> (дата обращения: 27.10.2013).
4. Махмудов Х.Х. Русско-казахские лингвостилистические взаимосвязи (теоретическая стилистика). Алма-Ата, 2009.

5. Хартман П. Текст, тексты, классы текстов // Проблемы теории текста : реферат. сб. / гл. ред. Ф.М. Березин. М., 1978. С. 168 – 185.

6. Сытник М. Иллюзия дружбы: Россия и Казахстан. URL: <http://contrtv.ru/common/1818> (дата обращения: 06.11.2013).

7. Шенова А.И. Социально-психологические особенности предвыборных PR-технологий в многонациональном регионе : на примере Республики : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2008.

Об авторе

Анна Анатольевна Верещагина — канд. психол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: annushka-ver@mail.ru

81

About the author

Dr Anna Vereshchagina, Associate Professor, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: annushka-ver@mail.ru